

ВИНОГРАДАРЬ

I.

Сам я, братцы, — виноградарь,
Из колхоза «Пионер».
Люди знают на Кавказе
Наш колхоз-миллионер!
Ой, богато жили, братцы,
Жили — что и говорить,
Наш колхоз, скажу вам прямо,
Всю Москву мог угостить;
В поле б в ряд столы поставил,
Бочки б выкатил с вином
Пейте, братцы!
Ешьте, братцы!
Да хвалите, как живем!.. —
Так в окопах в час затишья
Всем ефрейтор говорил,
Трижды «Славой» награжденный,
Перекатов Михаил.
Был он храбрый отделенный,
Собеседник неплохой.
От его одних рассказов
Захмелеть бы мог любой.
Будешь сыт, хоть день не ел ты,
Будешь пьян — хоть год не пил,
Но солдаты знали: правду
Перекатов говорил.
Каждый тут своим хвалился:
Кто садами, кто зерном,
Кто заводом, кто уловом,
Кто отарой, кто ленком.
Но однажды на привале,
В чужедальной стороне
Размечтался Перекатов
О садах и о вине.
Славил «рислинг» и «пиногри»,
«Дамский пальчик» и «мускат»,
«Сильванер» и «ркацители»
И столовый виноград.
— Нет на свете вин чудесней,
Чем прославленный портвейн! —
Говорил он. И из фляги
Тут же выплеснул трофей.
— К чорту вон вино чужое,
Хоть не пей его, — плещи,
Лучше вин советских марок
Не найдешь и не ищи. —
Перекатов не заметил,
Как подсел к огню солдат
Чисто выбритый южанин,
Парень стройный, видно, хват!

Он с таким вниманьем слушал,
Словно у костра прирос,
А потом:
— Ефрейтор, можно,
У меня один вопрос?
Ты откуда родом будешь?
— Я? С Прикумья.
— То-то, брат!
От колес войны, товарищ,
Поредел твой виноград.
Сам бывал в твоём колхозе, —
Август, год сорок второй.
В виноградниках Прикумья
В аккурат вели мы бой.
Артиллерия, траншеи,
Танки, минные поля...
Ой, сады, мои садочки,
Сладка ягодка моя. —
Молча слушал Перекатов,
Будто сразу онемел,
Все он знает, но об этом
Он и думать не хотел...
— Что ж, беда пришла большая,
Но беду мы победим!
Славу нашему колхозу,
Мы, товарищ, возвратим! —
— Возвратим — за это бьемся! —
И вздохнули все легко.
От Прикумья нынче лихо
Откатилось далеко.
Откатилось, не вернется,
Не воротится назад.
И пошли бойцы. И каждый
Сжал покрепче автомат.

II.

Дело двигалось к исходу
И пришел войне конец.
Возвратился в дом отцовский
Наш прославленный боец.
Парня встретили, как надо,
Горница гостей полна.
Было много угощенья,
Но... ни капельки вина.
Предколхоза Федор Глыба,
Партизан с одной ногой,
Наливал в стаканы водку
С нескрываемой тоской.
— Эдак, Миша, получилось,
Нет вина у нас, поверь... —
Вдруг в сенях загрохотало
И открылась настежь дверь.
На пороге в волчьей шубе,
С бородой светлее льна,—

Дед Валько, как привиденье,
С полной четвертью вина.
Всем с приветом поклонился,
Стер ладонью пот с лица.
— Кто сказал, что у народа
Для героя нет винца?
Было, есть, еще наищется...
Для внука берег, да вот...
Не дождался. За Советы
Положил мой Внук живот. —
Дед на стол поставил четверть,
Торопливо шубу снял.
Словно внука дорогого,
Михаила он обнял.
И пошло веселье кругом,
Разговор под чарку прост.
Поднимает Федор Глыба
За героя первый тост.
— Прибыл, значит, виноградарь.
Возвратился Перекат...
Знаешь, Миша, как скучает
По тебе наш виноград?
Так, ей-ей, не тосковали
Милой девушки глаза.
Как томилась и скучала
Виноградная лоза.
Мы ее ведь не кохали,
Как бывало ты кохал.
Твой любимый «ркацители»
Бурьяном позарастал.
По рядам твоим «муската»
Рвы окопов пролегли.
Ни «хесейна», ни «тавриза»
Мы в садах не сберегли.
Все, чем славилось Прикумье, —
От пшеницы до вина,
Ко всему костистой лапой
Прикоснулася война.
И пришлось нам
Больше хлеба,
Больше мяса, шерсти, кож
Вырабатывать для фронта...
Остальное — сам поймешь!
Поживешь и — все увидишь,
Дел у нас на целый век...
Дам тебе в бригаду, Миша,
Женщин восемь человек.
Вызволяй сады, товарищ,
Начинай канавы рыть.
Оживи лозу, садовник,
И заставь ее родить. —
Глыба выпил аппетитно,
Закусил вино рыбцом
И на место опустился
Он с сияющим липом.

Долго в хате гомонили.
Час полуночи настал.
Хорошо народ колхозный
Победителя встречал.

III

Белый цвет акации,
Синий свет луны.
Девушки прикумские
Нежности полны.
— От Берлина, Мишенька,
Знать, немалый путь.
Вам с дороги, Мишенька,
Надо отдохнуть.
Две неделки, Мишенька,
Разрешаем вам.
Просим вас захаживать
К нам по вечерам. —
— Милые приветницы!
Мне ль золою тлеть?
Вечерами лунными
Вас не рассмотреть.
На работе вяжется
Дружба веселей.
Мне в полях бы встретиться
С вами поскорей. —
И дома двух дней не прожил,
Загрустил Михаил:
— Что я, — маковый цвет на лугу?..
Не могу,
Не могу!
Прогулял — потерял...
Нет,
Нет,
Нет!
Он к Глыбе спешит на совет
— Ну, Кузьма, принимай...
Я не просто пришел
На свидание,
Я боец — ты начальник.
Задай
Мне сегодня любое задание. —
— Дело, Миша, не станет за нами,
Только прежде проедем садами. —
Глыба впряг в бедарку лошадь,
Сели, шапки набекрень.
— Ну и день!
— Денек что надо!
— Хоть бы тучка.
— Жаркий день.
— Как живут соседи наши?
— Разно, нечего сказать...
Прасковею в пятилетье

Нам, гляди, не обогнать. —
Вороной по кличке «Демон»
Не спешит, а над Кумой
Ни таркальца, ни канавки —
Будто смыло все водой.
А ведь было — не оглянешь.
Разбегаются глаза:
С золотистыми плодами
Все лоза,
Лоза,
Лоза.
— Где сады, Кузьмич?
— Направо....
Тут всего рукой подать.
Я пойду, Кузьмич,
Оно скорее,
Чем на этом «Демоне» скакать. —
Михаил изгиб дороги
Срезал, двинув по прямой.
— Стой, да я ж иду садами,
Только где их вид былой.
Где сады?..
Вот тут когда-то...
Были... да...
С бригадой сам...—
И почувствовал служивый,
Как слезинки по щекам
Покатались.
— Что со мной?
Я, гвардеец, лью слезу? —
Вдруг он видит под ногами
Виноградную лозу.
Перекатов наклонился,
На одно колено стал,
Плеть поднял и нежно, нежно,
Как дитя, поцеловал.
— Дождалась... Моя родная...
Эх, тебя ль я не любил? —
Виноградарь сыпал ласки,
Будто с милой говорил.
Он идет все дальше, дальше
И уже не знает сам,
Где конец дороги страшной
По запущенным садам.
Бурьяны — хоть жни серпами,
А по ним, то тут, то там
С бледно-тонкими листками
Виснут лозы по кустам.
— Значит, живы! Значит, надо!..
В новый бой спешу, солдат,
Только что ж тут можно сделать
С полудюжиной девчат?
Эх, Кузьмич, ты будь щедрее,
Нам дела с тобой творить!..
Перекатов смотрит вправо,—

Целый лес таркал стоит.
От межи идет девчина,
На плечах ее платок.
Смугловатая степнячка
И стройна, как стебелек.
— Добрый день!
— Благодарю вас.
— «Пионер»?
— Ну да, точь-в-точь...
— Ну, а вы?
— Галина Глыба.
— Председательская дочь?
— Я и есть. Не узнаете? —
Галя руку подает.
— Помню, мы вас провожали
Летом... в сорок первый год.
Мне тогда двенадцать было...
— И теперь не больше дашь.
— Что вы, я же комсомолка!
У меня двухлетний стаж.
— Верно, Галя, ростом вышли,
Но у вас все тот же вид...
Вам бы можно в пионерках
Лет пяток еще побыть.
И не меньше... —
К счастью Гали
Сам папаша прикатил.
Михаил сказал Галине:
— Извиняюсь, — пошутил!

* * *

Председатель встал в бедарке,
Шапку на руку и ввысь.
И к нему, как по команде,
Все колхозники сошлись.
— Вот твое, ефрейтор, войско.
— Ознакомься да домой.
О делах же дома будем
Разговаривать с тобой. —
Михаил желанной встрече
По-мальчишески был рад,
И какой восторг он шумный
Вызвал сразу у девчат.
— Он какого года, Валя?
— Двадцать первого.
— Да ну-у.
— На висках его как будто
— Я видала седину. —
В полный голос говорили
Комсомолки меж собой.
А Кузьмич и Перекатов
Колесили над Кумой.
По полям петляет, вьется
Светлорыжая Кума,
Едут — в полном окруженьи —

От Кумы сойти с ума.
— Вижу дел у нас немало.
— Я ж тебе уже сказал,
Вот опять к весне загвоздка:
Где добудем мы таркал?
Два гектара заложили —
Жди три года — это ж гроб...
— Ну, а ты беде навстречу
Жми, Кузьмич, и цель ей в лоб.
Мы к весне таркал добудем,
Только в землю знай вбивай!
— Где?
— Узнаешь... Ты работниц
Мне в бригаду добавляй.
— Ни одной.
— Да это что же!
Пощади, Кузьмич, меня!
Получается, как в песне:
Восемь девок — один я.
Знаешь сам, прошел я школу!
Сталинград,
Ростов,
Берлин!
Я ж командовал бойцами,
Да какими молодцами?!
Против трех не сдаст один!
Дисциплина фронтовая!
Все, Кузьмич, не то что тут...
— Ты прошел, служивый, школу,
Но и мы — нелегкий путь.
Ты на фронте в чем нуждался?
Был одет и хлеб жевал?
Сколько расстрелял патронов,
Ты когда-нибудь считал?..
Понимаешь?
— Понимаю.
Понимаю все, как есть,
Довод твой, конечно, веский,
В нем, я вижу, правда есть.
Но с восьмеркою работниц —
Тут, Кузьмич, куда не гни...
— Михаил, устал ты, право,
Ты с недельку отдохни.

IV.

Мать Прасковья Тимофевна
К сыну чуть не со слезой:
— Где ж ты, Миша, пропадаешь?
Не торопишься домой.
Я обед давно сварила
Он, гляди, уж и остыл.
— Ты прости меня, родная,
В винограднике я был.

С Кузьмичом мы будто в споре,
Иль упрям он — не пойму!
— Что ты, Миша,
Уж не Глыба ль
Объявил, сынок, войну?
Брось, напрасная затея,
Глыба все такой как был...
Слышь-ка, Миша,
С Прасковей
К нам товарищ приходил.
Вот письмо.
А вот записка
От Игнатова Петра.
Он у нас теперь парторгом...
Сам зашел к тебе с утра. —
Перекатов взял записку.
Вскрыл конверт, к окну подсел.
И прочел письмо, как песню,
Тихим басом нараспев.
«Здравствуй, Миша!
Поздравляем
И с победой, и с весной.
Возвратился, прямо скажем,
Очень к сроку ты домой.
Виноградарь ты известный,
И прославленный солдат,
А у нас соревнование,
Вызволяем виноград.
Мы растим одноктарниц.
Им у нас большой почет...
Новых подвигов, товарищ,
От тебя Прикумье ждет».
— Это кто ж так складно пишет?
— Якуценков?
— Вот мудрец!
Нам же с ним соревноваться,
Что теленку с тигром драться,
Зашибет он нас вконец.
У него ученых много,
А машин-то сколько там!..
— Ну и что ж, соревноваться
Можно, мама, по статьям.
Если больше я с массива
Хоть на тонну получил —
Значит, лучше я работал,
Значит, я и победил.
— Эдак можно! Наши люди
Никогда не подведут.
Ведь тебе на виноградник
Комсомолок, Миша, шлют.
И уж если Якуценков
Гнет на этакий манер,
Двухгектарниц, слышишь, Миша,
Пусть готовит «Пионер».
Я сама легко, сыночек, —

Хоть немало мне годков, —
Догляжу гектар, не меньше,
Богатей и будь здоров!

V.

Петр Игнатов Михаила
Принял в крепкие объятия.
— Ну, здоров, здоров, дружище,
И целуются, как братья.
За столом сидят, смеются,
Вспоминают дни былые,
Как летели над Кумою
Годы детства золотые.
Как ловили в кручах раков,
Забывая все на свете.
— А теперь, вот видишь, Миша,
Мы за целый мир в ответе...
Ты партийный?
— Нет, покуда...
Думка греет сердце мне...
Я ж могу...
— Никто не спорит,
Мог вступить бы на войне.
Орденів принес-то сколько?
«Славы» все себе забрал?
— Это ж дело фронтовое,
Скажем, просто — воевал.
У меня теперь забота,
Как бы здесь не подкачать,
Как бы Глыбу с виноградом
Поскорее обвенчать.
Чтоб любил он это дело
С прежней силою, с душой.
— Он давно обвенчан, Миша,
Поджидал тебя, родной.

VI.

И вот уже пахнуло Зноем лета.
Слетела с лоз цветения пыльца.
И над Кумой
В лощине дальней где-то
Звенит коса колхозного косца.
Бегут в поля машины
Вереницей.
Июль, июль!
Горячая пора!
Спешат колхозники
На косовицу.
Мужчины,
Женщины
И даже детвора.
В бедарке Глыбы свежая

Солома,
Все шаровары в остюках:
— Так вот, друзья мои,
Дела какие!
Наука, значит, братцы,
Помогла.
Агрономия —
Есть агрономия,
Вот потому и впредь мы будем
Задерживать снега.
Такого не бывало Урожая.
Пеклись не даром о полях знмой
И Глыбу вез,
Усердно пыль вздымая,
От стана к стану
Вороной...
Ликующий,
Радивый председатель,
Когда он спит —
Не знает он и сам.
От зноя грудь покрыта
Градом капель,
Нет отдыха коню,
Покоя костылям.
То прыгает,
То едет по загонам,
Бедарка дребезжит,
Как древняя зурна,
И поле отдает ему
Поклоны
Тысячетонной головой
Зерна.

VII.

И над садом-виноградом
Прокатился гром колес.
Поднимая пыль дороги
Хлебный движется обоз.
На передней пароконке
Дед Валько с кнутом в руках.
Он сидит седой и важный
На таврованных мешках. Тишина.
Кусты — «нимранга»
Притаились, будто спят.
Кони чуют близко воду
Тянут к речке и храпят.
Дед привстал молодцевато:
— Гей ты, карый, не шали. —
Кони взяли частой рысью,
Только пыль столбом вдали.
Люди встречные с поклоном.
— Дельно, —
Говорит народ, —

Глыба раньше всех в районе
Государству хлеб везет.
— Ловко двинул дело в гору,
Партизан, брат, голова!..
У него, к тому ж, бригада
Садом занята с жнива. —
Люди просто говорили
И без зависти в глазах,
Был порядок в «Пионере»,
Дома, в поле и в садах.
Загорелый, в синей майке,
Михаил, горя усердьем,
Душу всю вложил в сады.
По расчищенной канаве
Струи хлынули воды.
Меж рядов легли бороздки —
Дел кругом — не на пятак.
Чубуки в уютной школке,
На учете катавлак*.
Плодоносный виноградник
Погектарно закреплен.
Вьются лозы, рдеет завязь
«Саперави», «каталон».
Восемь девушек в косынках
Ходят в поле день-деньской.
Поправляют, пасынкуют
И беседуют с лозой.
Михаил уж стал гордиться
Тем, что свел свою судьбу
С этой маленькой бригадой
В бурей сломанном саду.
Звонким смехом,
Песней ладной
Сон нарушен пустырей.
Вот Галина запеваает,
Как на зорьке соловей.

*) Катавлак — обводка лозой.

«Солнце греет,
Ветер веет.
Лоза к земле гнется.
Мил уехал далеко
Скоро не вернется.
Ты не гнись, моя лоза,
Не шумите, ветры.
Я любимого узнаю
За сто километров.
Пускай ему, хорошему,
Легонько икнется.
Двухгектарницей я стану
Пока он вернется...»
Не допела — рассмеялась.
Смех ее звенит с утра.
Будто, кто-то на дорогу

Сыплет горсти серебра.
Все поют, но Перекаатов
Больше слушает одну.
Голос Гали трогал сердце,
Будто чуткую струну.
И заметили подруги,
И шепнули как-то ей:
— Михаил к тебе, Галина,
Почему-то стал нежней. —
Улыбнулась, отмолчалась,
В опылитель льет раствор
Будто сердца не коснулся
Мимолётный разговор.
И пошла между рядами,
Только радуга дугой.
Водяная пыль клубится,
На кусты летит, садится
Серебристою росой.

* * *

Дни бежали, словно кони
Над веселою Кумой.
Вот и август в сад спустился
Мягкой лапой золотой.
Гнутся лозы, нелегко им
Кисти крупные держать.
Золотистый «Шасля-Лоре»
Начинает попевать.
И уже за виноградом
Приезжает Глыба сам,
Чтоб на стол подать к обеду
Комбайнерам, косарям.
— Ну, порядок, вижу, Миша,
Значит, в норму ты вошел.
Вышло так, что бригадира
Не подводит комсомол.
Вот дела какие могут
Люди наши совершать...
Ведь по счету девок восемь
А на деле?
— Двадцать пять.
— То-то, братец, дисциплина
Издавна в ладу с трудом...
Слышишь, Миша, мы под осень
Дело шире развернем.
И уже тогда не восемь —
Сто пошлю на виноград.
Посчитай-ка сколько будет
У тебя тогда бригад?.. —
Михаил цветет улыбкой:
— Развернем, так развернем.
Если эдак выйдет,
Скоро
Мы Куму вином зальем. —
Он достал кiset.

— Покурим.
Закурили. Дым кольцом.
Только видит Перекатов —
Помрачнел Кузьмич лицом.
Глянул вниз — у ног платочек.
Глыбы взгляд лежит на нем.
Дар Галины Перекатов
Вынул вместе с табаком.
«Фу ты, — думает, — и надо ж,
Этак тут вот обронить» —
Поднимает и спокойно
Продолжает говорить.
Но Кузьмич, когда собрался
И ему впрягли коня —
Дочь позвал
— Галюша, надо...
Ты отправишься в бригаду
В поле с нынешнего ж дня. —
И увез ее. А дома
Сам не рад той спешке был.
До утра жена ворчала:
— Ну и кашу заварил!
Вспомни сам свои проделки...
У меня в семнадцать лет
Кто выманивал платочки,
Кто выпрашивал кисет? —
Глыба сплюнул, шапку кинул
И вернул в сады Галину.

VIII.

Веселые девушки с песнями
Снимают рубин-виноград.
Прощайся с плодами чудесными,
Осыпанный золотом сад.
На свадьбах поют «горностая»,
Косяк журавлей пролетел.
Гордится большим урожаем
Седой балагур-винодел.
И пришли лозу укладывать в постель.
Чтобы нежную не тронула метель,
Чтобы виделись ей радостные сны,
Вплоть до ласковой приветницы весны
Уложили сорок тысяч лоз.
Им не страшен никакой мороз.
Сорок тысяч новых чубуков
Посадили. Вот Кузьмич каков!
Перекатов ходит сам не свой
— Широты не ожидал такой! —
С ним Галина рядом, и она,
Радостью труда озарена.
Старый Глыба порасправил бровь.
Видит он: крепка детей любовь.
Головой с улыбкой покачал

И кагору бочку закопал.

IX.

Отпели девушки в садах,
Веселые отпели.
Пришла зима и на полях
Теперь поют метели.
Плывет седая карусель,
Свистит на всех дорогах.
Поза уложена в постель
Заботливо и строго.
Но не уходит Михаил,
Он не покинул сада.
Он путь метели преградил
И сад обнес оградой.
Стоят щиты на всех путях,
На них щеглы судачат.
И ничего, что сад в буграх
И вьюга бабой плачет.
Весна взмахнет своим крылом,
Она снега расплавит.
Лоза, подбодренная сном,
Свой гибкий стан расправит.
И будешь ты, природы друг,
Заботливый и нежный
Доволен тем, что в пору вьюг
Покров удвоил снежный.
Уже Кузьмич всерьез сказал
С тревогой Михаилу:
— Ты не забыл, что обещал?
На десять га ищи таркал,
Не будет — лезь в могилу.
Не гнить же лозам на земле,
Пошевели, дружок, мозгами.
Боюсь, что люди на селе
Начнут шутить над нами. —
И Перекатов от тревог
Не мог уснуть в постели.
Весна вступила на порог,
Уже скворцы запели.
Игнатов трижды созывал
Партийное собрание.
Он сам уже в лесхоз послал
Четвертое посланье.
А дни утроили накал, —
Напоминают всем о деле,
Не скажешь дням, что нет таркал
Вокруг лесхозотдела.

* * *

Весна: теплынь да благодать.
Но где ж душевный праздник?
— Через недельку открывать
— Нам надо виноградник? —

И Перекатов сплюнул зло.
Он ходит бледный, тощий.
И вдруг почудилось село
Ему таркальной рощей:
Акаций тысячи стоят,
Стоят, ветвями машут.
Под ними дети в зной сидят,
Девчата в праздник пляшут.
«Чего ж он медлит!
Он пойдет,
Деревья посчитает.
Нет, он народ не подведет!»
И Михаил шагает.
Под ярким солнцем щуря глаз,
Оглядывает кроны.
Они нужны ему сейчас,
Как ратнику патроны.

* * *

Михаил броском ворота
Перед лошастью открыл.
— Добрый день, Кузьмич, прошу вас...
— Как здоровье, Михаил?
Как дела?
Скажи-ка, братец,
Чем ты занят был вчера?
— По селу ходил с блокнотом,
Целый день, как есть, с утра.
Вел учет ветвям излишним,
Все я их пересчитал.
Снимем их — и сорок тысяч
Будем мы иметь таркал!
Глыба прыгнул из бедарки:
— Миша,
Мишка!
Михаил!
Да ты знаешь, что ты сделал?
Ты ж колхоз обогатил!—
Никогда, никогда на земле
Не бывало такого в селе.
Все село на деревьях сидит,
Все село топорами стучит.
Дед Валько — запевала в труде,
Стружки в белой его бороде.
Тешет колья, в десятки кладет.
— Хорошо наш колхоз заживет!

* * *

Перекатов в Прасковею
Якуценкову писал:
«Извините, что ответ вам
Я немного задержал...
Виноградники колхоза
Мы могли восстановить.
Но еще хвалиться нечем,

Если правду говорить.
День вчерашний нам казался
Достижением большим,
А сегодня смотрим в завтра
И от сердца говорим.
Хорошо, но лучше б надо.
И зовёт к труду вперед
Долг,
Сознание
И воля,
 Чтобы краше жил народ...»
 За письмом тем Михаила
 Глыба и застал в дому.
— Ну-ка, что ты тут, товарищ,
Пишешь другу своему?..
Хорошо... Но ты добавь-ка,
Прямо так и напиши:
«За моральную поддержку
Благодарны от души.
Мы теперь уже поднялись,
С силой собрались вполне.
И хотим соревноваться.
Отвечай, мол, лично мне».
Михаил встает в волнении:
— Значит, дело развернем?
Если так, Кузьмич, на славу
Угостим Москву вином!

* * *

А в саду дружнее, чем прежде,
Голоса звенят, звенят.
Михаила мать — Прасковья
Веселит в саду девчат.
Ведь счастливей Михаила
Человека в мире нет!
Он в район уехал нынче, —
Получает партбилет.
Хороша Прасковьи доля,
Славу с сыном разделять
И до свадьбы Галю Глыбу
Милой дочкой называть.
Пусть пока резвится Галя:
Воле девичьей простор.
Будет крепче и душистей
В землю спрятанный кагор.

* * *

Роптали травы на заре,
Шурша сухими языками:
Им снились тучи на горе
Над скованными ледниками.
Им снился дождик проливной.
Проснулись —
Сухо.
Ветер.

Зной.
И нет росы, и влаги нет,
И перламутровый рассвет.
На плечи хрупкие ложится.
А рядом сад,
Как лес лоснится
На солнце глянцевою листвою.
Ему не страшен солнца зной:
Под ним земля лежит, как масло.
О мудрый сильный человек!
Ты осчастливил сад навек.
Пусть солнце жжет,
Пусть небо ясно, —
Он все такой же, все такой:
Шумит лоснящейся листвою.
Пусть стороной прошла гроза
За много-много верст от сада,
Уже подвязана лоза
Второй
и третий раз бригадой.
И без бахвальства Михаил,
Как дело знающий хозяин,
Гостям обычно говорил:
— Да это ж только начинаем!